

Проблемы становления приграничных экономических связей Курильского субрегиона и Японии в 1990-е гг.

Елена Николаевна Чернолуцкая,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: chvalery@mail.ru

В статье показано, что в период российских рыночных трансформаций формирование экономического взаимодействия курильских районов и японского приграничья строилось вокруг доступа к сырьевым ресурсам моря, являющимся стержнем экономик соседних локальных сообществ. Автор раскрывает разнонаправленные позиции руководства Российской Федерации и Японии в отношении курило-японского сотрудничества как отражение их политики по «территориальному вопросу». Определено, что идеи Москвы о создании зоны совместной хозяйственной деятельности оказались иллюзорными, решающее же влияние имела позиция Токио, считавшего недопустимой любую активность по российским законам на «спорной» территории. Японское руководство условно разделило Курильский субрегион на две части, одна из которых (Северо-Курильский район) была объявлена «разрешённой» для формализованных связей, а во второй (Курильский и Южно-Курильский районы) любая деятельность иностранного бизнеса подвергалась обструкции. Российско-японское соглашение по рыболовству (1998) не привнесло ничего созидательно в этот процесс, но создало ситуацию легальной конкуренции между рыбаками двух стран. Северо-Курильский район выпадал из японской политики ограничений. Однако активность по налаживанию административных и хозяйственных связей между этим районом и округом Немуро (о. Хоккайдо), развернувшаяся в начале 1990-х гг., вскоре затихла из-за отсутствия межгосударственных договорённостей по рыболовству. В результате в курильских районах не было зарегистрировано ни одного российско-японского совместного предприятия и других форм сотрудничества с японскими партнёрами в береговой экономике, а сложившаяся модель экономического взаимодействия свелась к легальным и нелегальным поставкам сырой рыбы и морепродуктов в Японию.

Ключевые слова: Курильские острова, Япония, Хоккайдо, приграничное сотрудничество, рыболовство, рыночные трансформации.

Problems of Establishing Cross-Border Economic Relations between the Kuril Sub-Region and Japan in the 1990s.

Elena Chernolutsckaya, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: chvalery@mail.ru.

The paper shows that during the period of Russian market transformations, the formation of economic interaction between the Kuril regions and the Japanese border area was based on the access to the raw materials of the sea, which are the core of the economies of neighboring local communities. The author reveals the divergent positions of the leadership of the Russian Federation and Japan in relation to the Kuril-Japanese cooperation as a reflection of their policy on the “territorial issue”. It was determined that Moscow’s ideas about creating a zone of joint economic activity turned out to be illusory, but the decisive influence was exerted by the position of Tokyo, which considered any activity under Russian laws in the “disputed” territory unacceptable. The Japanese leadership conditionally divided the Kuril sub-region into two parts, one of which (the North Kuril District) was declared “permitted” for formalized relations, and in the second (the Kuril and South Kuril Districts) any activity of foreign business was subject to obstruction. The Russian-Japanese Fisheries Agreement (1998) did not bring anything constructive to this process but created a situation of legal competition between fishermen of the two countries. The North Kuril district fell out of the Japanese policy of restrictions. However, the activity of establishing administrative and economic ties between this area and the Nemuro district (Hokkaido), which unfolded in the early 1990s, soon subsided due to the lack of interstate agreements on fisheries. As a result, not a single Russian-Japanese joint venture or other forms of cooperation with Japanese partners in the coastal economy were registered in the Kuril districts, and the established model of economic interaction was reduced to legal and illegal supplies of raw fish and seafood to Japan.

Keywords: Kuril Islands, Japan, Hokkaido, cross-border cooperation, fisheries, market transformations.

ВВЕДЕНИЕ

Возможность развития прямых приграничных контактов регионов с соседними странами появилась в СССР в годы перестройки, когда М. Горбачёв и его команда начали децентрализацию внешнеэкономических связей, инициируя их перенос на уровень регионов и отдельных хозяйствующих субъектов «на принципах валютной самокупаемости» и «развития социалистической предприимчивости» [14]. После развала СССР и образования Российской Федерации этот процесс продолжал развиваться уже на базе рыночных реформ. Появились

различные формы взаимодействия регионов с иностранными партнёрами — от челночной торговли до совместных предприятий. Они сыграли немаловажную роль в судьбе приграничных территорий, помогая им пройти сложный путь адаптации к политико-экономическим трансформациям. Помимо реальных трансграничных практик большую востребованность получила идея свободных экономических зон (СЭЗ), куда предполагалось привлекать зарубежных инвесторов налоговыми и таможенными льготами, что в условиях нараставшего в стране тотального кризиса было особенно значимо для депрессивных регионов. Однако по многим причинам (недостаточная проработанность правовой базы, финансовая несостоятельность государства, теневые отношения и др.) проекты СЭЗ в стране потерпели неудачу, несмотря на попытки их реализации [4].

Зарождавшееся отечественное предпринимательство сталкивалось с массой проблем, а начавшееся сотрудничество предприятий с иностранными партнёрами носило примитивный характер, в большинстве случаев оно сводилось к вывозу из России сырья и бартерным сделкам. Всё это относилось и к Курильскому субрегиону Сахалинской области, который вошёл в эпоху рыночных трансформаций с типичной моноотраслевой (рыбохозяйственной) специализацией. Для местной промышленности были характерны устаревшая производственная база, преобладание примитивного ручного труда, низкая степень переработки продукции. Потеря дотаций и субсидий Центра, разрыв хозяйственных связей и другие факторы погрузили курильские районы в глубокий кризис. В 1990-е гг. они находились на грани выживания, оставаясь часто без электричества, тепла, с перебоями транспортного сообщения и снабжения. Разрушительное землетрясение на Южных Курилах в 1994 г. ещё более усугубило положение островитян [18]. В этих условиях развитие приграничных связей давало субрегиону шанс на перелом негативной динамики.

Цель данной статьи — отразить процесс формирования экономического взаимодействия курильских районов и японского приграничья в период российских рыночных трансформаций, выявить его специфику и результаты, определить интересы и действия сторон на уровне государства и локальных сообществ.

В такой постановке проблема не нашла отражения в историографии. Хотя в научных исследованиях становление приграничного сотрудничества российских краёв и областей с соседним зарубежьем является одной из активно разрабатываемых тем, такой специфический субрегион на Дальнем Востоке, как Курильские острова, остаётся в этом плане мало

изученным. Предшественниками проработаны лишь отдельные аспекты заявленной темы, в частности связанные с разработкой соглашений по рыболовству [8; 13].

Наш анализ проведён с позиции исторической регионалистики с применением общенаучных и историко-генетического методов. Комплекс использованных источников включает опубликованные документы высших структур власти, выступления и заявления сахалинских политиков и общественных деятелей С.А. Подольна, В.К. Зиланова, С.А. Пономарёва, Ю.И. Недореза, руководителей курильских районных администраций И.И. Карпмана и Н.С. Овчинникова, а также материалы периодической печати.

ГЕОПОЛИТИКА КАК ГЛАВНОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ КУРИЛО-ЯПОНСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Отдельные попытки экономического взаимодействия с иностранными партнёрами на Курильских островах стали предприниматься в конце периода перестройки, но они в основном воплощались в самых простых формах. Например, весьма удачной деловой операцией островитяне считали соглашение, заключённое в 1989 г. в Южно-Курильске (о. Кунашир) между государственным заповедником «Курильский» и киносъёмочной группой компании «Токио-фильм», работавшей над фильмом о местной флоре и фауне. Заповедник обеспечил киношников транспортом, проводниками, консультациями. Но поскольку валютного счёта во Внешэкономбанке он не имел, то была предусмотрена поставка ему на заработанную сумму видеосъёмочной аппаратуры для научных наблюдений [16, 1990, 27 янв., с. 4].

Более значимую внешнеэкономическую деятельность курильские предприятия начали в 1991—1992 гг., когда на основании вводившихся рыночных реформ в целом, а также специального указа президента РФ Б. Ельцина «О социально-экономическом развитии Курильских островов» от 8 декабря 1992 г. [17] получили возможность самостоятельно продавать за рубеж добытую рыбу, а районные власти — наделять их лимитами в пределах квот, полученных от областной администрации.

Для курильских районов ближайшим соседом является Япония. Однако становление курило-японских контактов, в отличие от аналогичных процессов в других приграничных регионах страны, имело существенную особенность: оно шло под сильным влиянием геополитического фактора — претензий Японии

на обладание Южными Курильскими островами, которые она выдвигала как непреложное условие подписания мирного договора с СССР/РФ. Как известно, М. Горбачёв и Б. Ельцин признали наличие «территориальной проблемы», но их позиция относительно её решения отличалась невняtnостью и заигрыванием с Токио в надежде получить экономическую и финансовую помощь.

В стремлении наладить с Японией партнёрские отношения российские политики и управленцы выдвигали разные варианты создания на Южных Курилах особой экономической зоны. В январе 1990 г. Б. Ельцин, будучи народным депутатом СССР, во время своего визита в Японию предложил объявить «спорные территории» свободными для японского предпринимательства, или «зоной наибольшего благоприятствования японской экономике» как один из пяти этапов решения «курильской проблемы». На Сахалине председатель облисполкома (затем первый губернатор) В.П. Фёдоров, реагируя на предложение Ельцина, в марте 1991 г. выдвинул свою идею — объявить свободной экономической зоной Южные Курилы и близлежащую японскую территорию (часть Хоккайдо), которые оставались бы в сфере действия своих государственных суверенитетов, но в экономической плоскости образовали единое целое. Однако в Токио не ответили на эти инициативы. Хотя их целенаправленность была различной (Ельцин стремился заинтересовать Японию, а Фёдоров — способствовать развитию курильских районов), оба проекта носили иллюзорный характер, свойственный многим идеям начального периода рыночных реформ, а главное — шли вразрез с позицией японской стороны (см. ниже). Позже администрация области добилась решения Москвы о создании свободной экономической зоны «Сахалин» (1991), а в её рамках — особой экономической зоны (субзоны) «Курилы» (1992). Но на практике эти два проекта также потерпели неудачу, как и большинство других СЭЗ и ОЭЗ в стране (подробнее см.: [19]).

С самого начала развития приграничных контактов японская сторона продемонстрировала две линии интересов — государственных структур и частного бизнеса. Предприниматели, особенно с ближайшего о. Хоккайдо, для которых промысел в районе Курильских островов являлся основным источником доходов, были высоко заинтересованы в освоении сырьевых запасов российского соседа. Но официальные круги Японии направляли всю свою энергию на то, чтобы не допустить каких-либо действий, подтверждающих юрисдикцию СССР/России над Южными Курилами.

В 1991 г. на фоне первого в истории посещения Японии советским руководителем — апрельского визита М. Горбачёва в Токио — японцы резко активизировали контакты с Сахалинской областью. Особенно оживлённые связи завязались с префектурой Хоккайдо. В ходе встреч достигались договорённости о сотрудничестве в экономике, культурном, научном, туристическом обмене, гуманитарной помощи [16, 1991, 14 мая, с. 1; 4 апр., с. 1; 11 апр., с. 1]. При этом японская сторона не скрывала, что развитие экономических и культурных взаимодействий она ставит в зависимость от решения вопроса о «северных территориях». В политике трансграничных отношений Курильский субрегион оказался на особом положении: японское руководство условно разделило его на две части, одна из которых (Северо-Курильский район) считалась «разрешённой» для формализованных связей, вторая (Курильский и Южно-Курильский районы) наделялась существенными ограничениями (допускались только гуманитарные контакты в рамках безвизового обмена) [10].

Отсутствие запретов со стороны Токио давало возможность японским бизнесменам и официальным лицам открыто взаимодействовать с Северо-Курильским районом и продвигать там свои интересы. В 1989—1991 гг. на о. Парамушир побывали делегации от японских фирм «Хоко-Фишинг», «Дайити Буссан», «Комацу Трейдинг Интернешенл», «Комацу Лтд.» и др., выясняя возможность создания совместных предприятий по добыче, переработке и разведению рыбы и морепродуктов [16, 1989, 6 авг., с. 1; 1991, 9 авг., с. 3].

В этот же период завязались официальные контакты между администрациями Северо-Курильского района и округа Немуро — рыбопромыслового центра на о. Хоккайдо. В сентябре 1991 г. и марте 1993 г. мэр Северо-Курильска В. Богомоллов посещал г. Немуро, а мэр последнего Кайдзи Оя в июле 1992 г. совершил ответный визит. Они подписали документы об установлении дружеских отношений, обмене деловыми, туристическими и детскими делегациями, взаимной помощи, обслуживании на берегу рыболовецких судов и моряков, договорились о создании ассоциации «Развитие экономических связей» и открытии в дальнейшем её представительств друг у друга, об установлении морского сообщения между Немуро и Северо-Курильском. В феврале 1994 г. стороны заключили официальный договор о побратимских связях [3, 1993, 20 марта, с. 4; 16, 1992, 1 авг., с. 1; 1994, 23 фев., с. 2].

Северо-курильчане с готовностью шли на развитие таких контактов, надеясь, что совместные предприятия будут способ-

ствовать повышению конкурентоспособности их продукции и доступности внешнего рынка. Кроме того, у них были планы с помощью японцев построить рыбоводный завод на о. Шумшу, решить вопросы доставки в Северо-Курильск японских бытовых товаров.

Активность же со стороны соседей объяснялась заинтересованностью рыбацких кругов в легальном доступе к акватории Курильских островов. Так, на совещании в Северо-Курильске 24 июля 1992 г. руководитель Хоккайдской федерации рыбопромышленных коопераций Хисаси Хамая рассказал, что в их организации имеется до 500 судов, которые «могли бы помочь» в освоении тех видов продукции, которые северо-курильским рыбакам были не под силу из-за низкой технической оснащённости судов и трудного финансового положения предприятий. В мае 1993 г. побывавшая в Северо-Курильске делегация рыбопромышленников из Немуро предложила в том же году начать совместный промысел лосося. Для этого у них в округе уже было создано предприятие «Курил суйсан», объединившее 15 владельцев промысловых шхун. Для стимулирования положительного решения японская сторона пообещала помочь в налаживании транспортной связи и выделить деньги на развитие геотермальной энергетики [3, 1993, 20 марта, с. 4; 16, 1992, 1 авг., с. 1; 1993, 29 мая, с. 1].

Но устремлениям представителей Немуро не суждено было сбыться, поскольку у Японии не было договора с Российской Федерацией на промысел гидробионтов в районе Курильских островов в целом, а рыба лососёвых пород на Северных Курилах в 1990-е гг. вообще не добывалась, так как вокруг островов были созданы охранные зоны для морских млекопитающих [2, с. 80]. Из-за этого интерес округа Немуро к развитию связей с Северо-Курильским районом стал ослабевать, большинство инициатив так и осталось лишь намерениями, а трансграничная активность самого района пошла по линии поставок за рубеж сырой продукции рыболовства. К середине 1990-х гг. ведущее местное предприятие — Северо-Курильская база сейнерного флота — стала одним из крупнейших экспортёров области [3, 1995, 28 сен., с. 3].

Иным было отношение Токио к экономическому сотрудничеству в Курильском и Южно-Курильском районах, поскольку они включали в себя оспариваемые Японией о-ва Малой Курильской гряды, Кунашир, Шикотан, Итуруп. Здесь японское руководство считало недопустимой экономическую или любую другую деятельность по советским/российским законам не только своих граждан, но и любых иностранцев, что

означало бы признание юрисдикции СССР/РФ над этой территорией. В случае выявления такой деятельности японские власти применяли к её участникам жёсткие меры давления. Так, в 1988 г. на Кунашире попытались создать совместное предприятие с хоккайдским кооперативом айнов «Утари кёдо» — ферму по разведению лосося. Однако власти Японии помешали этому, выразив свою «озабоченность» проектом. Представитель МИД прямо заявил, что создание СП может быть расценено как «молчаливое признание суверенитета СССР над этими островами» [7, с. 20].

Вызывающей была реакция руководства Японии на постановление Президиума Верховного Совета РФ «О федеральной программе комплексного социально-экономического развития Курильских островов» от 26 октября 1992 г., где одной из задач выдвигалось привлечение иностранных инвестиций. В Токио объявили, что это «может стать серьёзным препятствием на пути продвижения российско-японских переговоров по территориальной проблеме» и что из Японии будут внимательно наблюдать за всеми деловыми операциями иностранцев на «спорной территории»: фиксировать создание совместных предприятий, выдачу виз и движение капиталов [16, 1992, 30 окт., с. 1; 11 нояб., с. 1].

И это не было пустыми угрозами. Всякий раз, узнав о работе японских предприятий на оспариваемой территории, представители МИД и других ведомств Японии распространяли о них крайне негативную информацию. В 1991 г. обструкции подверглась хоккайдская рыбоперерабатывающая компания, подписавшая с советско-южнокорейским предприятием соглашение о сотрудничестве в Курильском районе, а в 1992 г. — российско-японское предприятие «Туна эторофу» по промыслу тунца и морепродуктов в районе Южных Курил [16, 1991, 24 окт., с. 2; 1992, 22 сен., с. 1].

С давлением столкнулась фирма «Кэнто», которая на основе контракта, подписанного в 1992 г. с администрацией Южно-Курильского района, поставляла туда различные японские товары в обмен на получение крабов и морского ежа на бартерной основе. Зафрахтованное фирмой грузовое судно подверглось обыску, капитан — допросу, а президент фирмы Митиёси Сейдзи — публичной травле и угрозам, из-за чего в 1996 г. он вынужден был скрыться в одной из стран АТР [18, с. 169—170].

Столь же негативным было отношение японских властей к работе в этом районе представителей других стран, о чём Токио заявлял на всех возможных уровнях. Уже в ходе одной из первых поездок в Японию председателя Сахалинского областного

Совета народных депутатов А. Аксёнова (декабрь 1991 г.) сотрудники японского МИД высказали недовольство тем, что на Южных Курильских островах создаются совместные предприятия и приглашаются иностранные бизнесмены. Аксёнова информировали, что японское правительство отправило дипломатические запросы властям США и Южной Кореи, чьи фирмы «внедрялись» на эти острова, и объявило это «посягательством на свои территории» [16, 1991, 19 дек., с. 1].

Особенно сильное давление в этом плане Токио оказывал на страны АТР. По этой причине, например, был сорван первый в Сахалинской области договор с иностранным инвестором на аренду земли. Его в 1992 г. заключила администрация Южно-Курильского района с гонконгской компанией «Карлсон и Каплан», предоставив ей в аренду на 50-летний срок 278 га земли на о. Шикотан для создания туристическо-развлекательного комплекса. Последовавшая острая реакция японского правительства, объявившего, что «никто не имеет права совершать какие-либо сделки с третьими странами без её разрешения», и психологический прессинг руководства компании привели к тому, что оно разорвало договор через месяц после подписания [3, 1992, 26 сен., с. 1; 16, 1992, 16 сен., с. 1; 19 сен., с. 1]. Аналогичным образом в 1997 г. в результате дипломатического протеста японского МИД в адрес МИД Республики Корея был сорван контракт администрации Южно-Курильского района с южнокорейской компанией «Кирин» на поставку рыбоперерабатывающего комплекса для Южно-Курильского рыбокомбината (о. Кунашир) [16, 1998, 2 дек., с. 1].

Большое раздражение Японии вызывала продажа квот третьим странам на вылов гидробионтов в Южно-Курильской промысловой зоне. Прежде всего это касалось Республики Корея, которая в сентябре 1991 г. подписала с СССР соглашение о долгосрочном сотрудничестве в области рыболовства. На ежегодных сессиях Российско-Корейской комиссии по рыбному хозяйству партнёру предоставлялись квоты на промысел в исключительной экономической зоне РФ, включая акваторию Южных Курил [1]. С такой же регулярностью японское правительство предъявляло официальные протесты российской стороне, каждый раз заявляя, что упомянутое соглашение, подписанное без консультаций с японским правительством, «подрывает прогресс» на переговорах по заключению мирного договора. Одновременно руководство Японии обращалось к Сеулу с требованием отказаться от договорённости с Москвой и воздержаться от добычи рыбы в районе «северных территорий». При этом в ход шли и угрозы, и уговоры. Например, в 2001 г.

в качестве компромисса Токио выразил «готовность согласиться» на работу южнокорейских судов у берегов Курил, если они получают на это разрешение от самой Японии и признают эту территорию «японской зоной», в противном случае в порядке санкций Токио обещал лишить такие суда лицензии на промысел в японских водах [16, 2001, 22 июня, с. 1; 1 авг., с. 2].

Несмотря на то, что дипломатические протесты Японии всегда отклонялись и участники соглашения продолжали сотрудничать, негативная официальная реакция Токио оставалась неизменной и стала дипломатической рутинной. То же самое происходило и в случае выделения таких квот другим странам (КНДР, Тайваню, Украине) [12, с. 115—116].

Вследствие давления Японии и невнятной позиции России по «курильской проблеме» иностранные предприниматели проявляли слабую деловую активность на Курилах, а японские старательно уходили в тень. Там не было зарегистрировано ни одного СП с участием японского капитала, в то время как на Сахалине в начале 1990-х гг. их было около 150 [16, 1992, 23 сен., с. 1]. По неофициальным же сведениям, в это время на Южных Курилах работало до 15 российско-японских СП, но средства в них японские учредители «перегоняли» через третьи страны или регистрировали на другой территории [18, с. 169].

В течение 1990-х гг. экономические взаимодействия островных районов с Японией сводились только к поставке ей дешёвого сырья, что, как выразился вице-губернатор Сахалинской области С.А. Подолян, работало «на подъём и процветание береговых рыбоперерабатывающих мощностей северных городов острова Хоккайдо» [12, с. 115]. В 2000 г., например, на долю Японии приходилось 61,5% от общего легального объёма экспорта из Курильского района [6, с. 144]. Этот бизнес способствовал развитию и укреплению ряда островных компаний, таких как «Гидрострой», «Морепродукт», «Морские ресурсы», «Марафон», «Дельта» и др. [11, с. 225; 16, 1997, 11 июля, с. 1; 3, 1999, 31 авг., с. 2]. Однако большинство предприятий отрасли были мелкими и нерентабельными, многие разорялись. Так, в Южно-Курильском районе в 2000 г. из 240 зарегистрированных предприятий больше половины были убыточными [11, с. 224; 16, 2000, 23 июня, с. 1].

Наряду с легальным промыслом в огромных масштабах развились браконьерство и контрабанда. Выловленные без официальных разрешений рыбу и морепродукты курильчане, как и многие другие российские рыбаки, сдавали иностранным партнёрам либо в море, либо в портах Японии. Особенно

тесные отношения такого рода установились между Южно-Курильским районом и округом Немуро, что было обусловлено их географической близостью и взаимной экономической заинтересованностью: обе территории переживали депрессивное состояние, жизненно зависели от ресурсов Южно-Курильского промыслового участка, а запретительная политика японского правительства в сочетании с несовершенством законодательной и налоговой системы России способствовали развитию совместного нелегального предпринимательства [15].

Массовым браконьерством занимались и сами японцы. С ноября 1993 г. российские пограничники стали применять к ним жёсткие меры пресечения вплоть до обстрела судов. По данным А.А. Курмазова, до принятия соглашения 1998 г. по рыболовству (см. ниже) произошло более 1700 инцидентов, сопровождавшихся арестами рыболовных судов. Поскольку правительство Японии исключало какие-либо межгосударственные соглашения, касающиеся хозяйственной деятельности на «спорной территории», то оно избегало подписания договоров на право морского промысла японцев в этом районе и закрывало глаза на их браконьерские действия. Долгое время единственным двусторонним документом, позволяющим такую деятельность, было соглашение 1981 г. о промысле морской капусты в районе о. Сигнальный, но подписали его не правительства двух стран, а Министерство рыбного хозяйства СССР и Хоккайдская ассоциация рыбопромышленников [8, с. 349—350].

В этих условиях японские рыбаки были заинтересованы в легализации своего промысла. Курильские районные власти также считали необходимым противопоставить японскому браконьерству формы рыболовства на правовой основе. В течение 1990-х гг. с обеих сторон на локальном уровне делались попытки заключения соответствующих соглашений.

В 1992 и 1993 гг. фиксировались случаи, когда отдельные хоккайдские шхуны, открыто нарушив пограничный режим, добирались до Кунашира или Шикотана. Их капитаны при аресте на российской земле убеждали пограничников, что являются законопослушными гражданами, а отчаянный шаг предпринимают из-за жёсткой конкуренции среди японских рыбаков за браконьерский лов в районе Южных Курил. По их словам, два крупных хоккайдских рыболовецких союза распределили между собой сферы влияния, и рыбакам-одиночкам оставалось довольствоваться скудными ресурсами у берега, страдая от отсутствия уловов и заработков. По этой причине они искали возможность встретиться с районными властями на Южных Курилах и убедить их продать на законных основаниях лимиты

на промысел рыбы. Однако просителей выдворяли ни с чем, так как полномочий на такие действия у островных властей не было [16, 1993, 6 мая, с. 2].

Инициативы на низовом уровне выдвигались и с российской стороны. Весной 1994 г. глава администрации Южно-Курильского района Н. Покидин предложил японцам оформить договор на рыболовство по тому же типу, что и на промысел морской капусты. У района имелись лимиты на добычу глубоководных гидробионтов, но курильские рыбаки, не имея достаточной технической оснащённости, не выбирали их. Мэр считал оправданным, если район будет продавать «излишки» японцам, имевшим для их освоения необходимое оборудование и богатый опыт. Дважды (28 марта и 4 апреля 1994 г.) он отправлял свои послания в мэрию Немуро. Предложение произвело большой шум на Хоккайдо. С особым интересом его восприняли рыбаки из пос. Раусу, где базировалась значительная часть добывающего флота префектуры — около 500 судов различных компаний. Для обсуждения проблемы 22 июня в море на границе двух стран была организована встреча представителей администрации Южно-Курильского района и руководителей японских рыболовных компаний. В дальнейшем предложение рассматривалось 5 июля на встрече мэров Южно-Курильска и Немуро — Н. Покидина и Кайдзи Оя, приехавшего на о. Кунашир в составе безвизовой делегации, а 11 июля на встрече губернаторов Сахалинской области и префектуры Хоккайдо — Е.А. Красnojорова и прибывшего на Сахалин Такахио Ёкомити. На всех уровнях с обеих сторон была высказана поддержка проекту, Красnojоров и Ёкомити договорились создать совместный совещательный орган по изучению промысловых ресурсов и контролю за добычей и воспроизводством рыбы и морепродуктов, а также пообещали «пробивать» соглашение в своих правительствах. Однако российский МИД осудил «несанкционированную самостоятельность» островных властей. Не поддержали эту инициативу и в Токио [16, 1994, 9 апр., с. 2; 24 июня, с. 1; 6 июля, с. 1; 7 июля, с. 1; 13 июля, с. 1—2; 15 июля, с. 1].

Тем не менее под давлением влиятельного рыболовного лобби правительство Японии разработало свой проект соглашения о допуске японских рыбаков на платной основе в зону Южных Курил, пытаясь придать ему вид частного документа по охране природных ресурсов и развитию технологии лова [16, 1994, 14 сен., с. 1]. Такое предложение было передано российским властям и в течение четырёх лет обсуждалось на межправительственных переговорах. Окончательное оформление документа состоялось в период оживления российско-японских

контактов в 1997—1998 гг., когда Москва и Токио договорились об установлении «созидательного партнёрства» [9].

Российское руководство продолжало строить свои отношения с Японией на иллюзорных представлениях о возможности совместной хозяйственной деятельности на Южных Курилах. На высшем уровне это было озвучено Б.Ельциным во время визита в Москву японского премьер-министра Обути Кэйдзо (ноябрь 1998 г.). Тогда российский президент предложил создать на «спорных территориях» особую безналоговую зону под совместным управлением с полной свободой экономической деятельности японцев, но при сохранении суверенитета России [16, 1998, 28 нояб., с. 3]. А ещё ранее в Москве прорабатывались частные предложения по курило-японскому сотрудничеству. Так, перед визитом вице-преьера РФ Б.Немцова в Токио в июне 1997 г. Российский МИД запросил у сахалинского губернатора И.П. Фархутдинова список наиболее приоритетных проектов Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Курильских островов Сахалинской области на 1994—1995 годы и до 2000 года», чтобы предложить его японским партнёрам для участия. В ответном письме в Москву Фархутдинов включил в запрошенный список такие проекты, как создание рыбохозяйственного комплекса в Южно-Курильске, реконструкция рыбоперерабатывающего цеха в пос. Рейдово, развитие марикультурного хозяйства в пос. Головинино, ремонт аэропорта Менделеево, организация промышленного производства лекарственной и пищевой продукции на основе морских водорослей [16, 1997, 19 июня, с. 1].

Однако всё, на что пошёл Токио в экономических взаимодействиях с Россией в Курильском субрегионе, свелось к легализации японского рыболовства. В мае 1998 г. правительства РФ и Японии подписали соглашение «О некоторых вопросах сотрудничества в области промысла морских живых ресурсов» (далее — Соглашение), в соответствии с которым японским рыбакам стали ежегодно выделять квоты на добычу гидробионтов в Южно-Курильском промысловом районе. Японская сторона оплачивала их деньгами и поставкой научно-исследовательских материалов и оборудования «в целях содействия в восстановлении запасов морских ресурсов» [8, с. 352].

Несмотря на то, что Соглашение способствовало сокращению браконьерства, ряд отечественных экспертов оценили его как «компромиссное и половинчатое» [8, с. 353] и даже как «позорную сделку», преследующую исключительно политические цели Б.Ельцина и его команды [13]. Эксперты отмечали, что обозначенный район лова включает российские

территориальные воды, где по законодательству РФ никакой иностранный промысел осуществляться не может. Более того, японские рыболовные суда получили право вести свой лов явочным порядком, не беря никаких обязательств по соблюдению законов и правил РФ. Документ не прописывал ничего внятного и о контроле за таким промыслом со стороны российских служб. К тому же Соглашение не было ратифицировано сторонами [5, с. 61—62; 8, с. 353].

Принятые условия сильно отличались от тех, что предлагал в своё время южно-курильский мэр. Его вариант, позволяя району подзаработать, исключал предоставление партнёру крупных участков промысла. Но по Соглашению 1998 г. выплаченные за квоты деньги поступали в федеральный бюджет, а разрешённый район лова охватывал значительную морскую площадь, где сталкивались интересы японских и российских рыбаков.

«Странности» возникали и при практической реализации Соглашения. Так, в 1999 г. в преддверии осенней путины из Федеральной морской инспекции в адрес Сахалинрыбвода пришла телеграмма, в которой последний обязали в период работы японских рыболовных судов в Южно-Курильской промысловой зоне «в целях обеспечения безопасности мореплавания, предотвращения конфликтных ситуаций принять меры избежания работы российских судов в указанных участках одновременно с японскими». То есть российских рыбаков требовали удалить из российских территориальных вод, освобождая их для японцев, что вызвало возмущение на Сахалине и Курилах. И только протест Сахалинской областной думы, её обращения к президенту и правительству привели к отмене этой дискриминирующей дальневосточных рыбаков директиве [3, 1999, 4 фев., с. 1; 13 фев., с. 2; 16, 1999, 4 фев., с. 1; 6 фев., с. 1].

Сахалинские рыбопромышленные и политические круги крайне негативно восприняли такую форму «созидательного партнёрства» с Японией. Областная Дума неоднократно принимала обращения в федеральные органы власти, выступая против заключения и исполнения Соглашения, в которых указывала, что оно ущемляет как суверенные права Российской Федерации, так и интересы российских рыбаков [13]. Тем не менее Соглашение действовало до июня 2022 г.¹

¹ Министерство иностранных дел РФ 7 июня 2022 г. сообщило о приостановке действия Соглашения от 1998 г. по причине невыполнения Японией финансовых обязательств. В Токио пошли на «заморозку» полагающихся по соглашению выплат, затягивали с подписанием ежегодного

ВЫВОДЫ

В 1990-е гг. для Курильского субрегиона сложились весьма затруднительные условия для формирования разностороннего приграничного сотрудничества с Японией. Ограничительными факторами здесь выступали как специфика экономических интересов соседних районов, сконцентрированных на доступе к сырьевым ресурсам моря, так и позиции руководства двух государств. Российские правящие круги находились во власти утопических идей о создании в Курильском и Южно-Курильском районах особой зоны совместной хозяйственной деятельности. Но для Токио это было неприемлемым ввиду претензий на собственную юрисдикцию над данной территорией. Присутствие там каких бы то ни было представителей иностранного бизнеса вызывало мощное противодействие со стороны японских властей. И хотя под давлением своих рыбопромысловых кругов Япония пошла на подписание с Россией соглашения в области рыболовства, оно не только не привнесло ничего созидательного в развитие приграничных связей, но, наоборот, создало ситуацию легальной конкуренции между российскими и японскими рыбаками. Северо-Курильский район выпадал из этой политики ограничений. Тем не менее попытки развернуть здесь сотрудничество с префектурой Хоккайдо не имели результата из-за отсутствия межгосударственных договорённостей по рыболовству. Другие сферы контактов мало интересовали японских партнёров. Конфигурация названных факторов привела к тому, что на уровне локальных приграничных сообществ сформировалась модель экономического взаимодействия, которая свелась к легальным и нелегальным поставкам сырой рыбы и морепродуктов в Японию. Никаких совместных предприятий и других форм сотрудничества в береговой экономике создано не было. Такая модель в определённой мере помогла курильским районам продержаться в тяжёлые кризисные годы, а некоторым бизнесменам нажить неплохой капитал, но она не могла стать полноценным ресурсом развития территории.

исполнительного документа о предоставлении безвозмездной технической помощи Сахалинской области, который является неотъемлемым элементом обеспечения функционирования этой межправительственной договорённости. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/kommentarii/1816582/ (дата обращения: 16.07.2024).

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Акуленко В.С. История двустороннего сотрудничества в области рыбного хозяйства между Российской Федерацией и Республикой Корея // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 169—190.
2. Глубоковский М.К., Лепская В.А., Ведищева Е.В., Кловач Н.В. Промысел тихоокеанских лососей в водах северных Курильских островов: история, современное состояние, перспективы // Труды ВНИРО. 2015. Т. 158. С. 75—87.
3. Губернские ведомости. 1992—1999.
4. Жерибров Д.С., Князева Е.Г. Особые экономические зоны в СССР и Российской Федерации (1980—2018) // Научный диалог. 2019. № 3. С. 246—257.
5. Зиланов В.К. Рыболовные отношения Советского Союза, России и Японии в контексте советско-японской Декларации 1956 года и национальной безопасности Российской Федерации // Ведомости Сахалинской областной Думы. № 33. Материалы парламентских слушаний 12—13 сент. 2001 г. Южно-Сахалинск, 2001. С. 58—65.
6. Карпман И.И. Средние Курилы — острова надежды // Сахалин, Курилы: на рубеже веков: сб. ст. Южно-Сахалинск, 2002. С. 142—147.
7. Кожевников В.В. Российско-японские отношения на современном этапе. Проблемы и поиски решений. Владивосток: Дальнаука, 1997. 216 с.
8. Курмазов А.А. Российско-японское рыбохозяйственное сотрудничество в районе Южных Курильских островов // Известия ТИНРО. 2006. Т. 146. С. 343—359.
9. Московская декларация «Об установлении созидательного партнёрства между Российской Федерацией и Японией» (ноябрь 1998 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901724336?ysclid=lurp945s4a516731514> (дата обращения: 09.04.2024).
10. Недорез Ю.И. Японо-курильские российские безвизовые обмены. 27.06.2011. URL: <https://www.siaa.ru/?pg=2&id=147296&type=128&page=0&hd=2> (дата обращения: 25.04.2024).
11. Овчинников Н.С. Рыбный край // Сахалин, Курилы: на рубеже веков: сб. ст. Южно-Сахалинск, 2002. С. 224—230.
12. Подолян С.А. Рыбопромышленный комплекс Курильских островов: сегодня и завтра // Ведомости Сахалинской областной Думы. № 33. Материалы парламентских слушаний 12—13 сент. 2001 г. Южно-Сахалинск, 2001. С. 114—116.
13. Пономарёв С., Бражник А. К инвентаризации российско-японских отношений. 14.04.2022. URL: <https://regnum.ru/article/3564503?ysclid=lrobqwobxh616987556> (дата обращения: 22.01.2024).
14. Постановление Совета Министров СССР от 02.12.1988 г. № 1405 «О дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных общественных предприятий, объединений и организаций». URL: <https://docs.cntd.ru/document/765703449?ysclid=ly2h5rtlal29342585> (дата обращения: 01.07.2024).
15. Рыбацкая СЭЗ // Дальневосточный капитал. 2006. № 7. URL: https://www.dvkapital.ru/regionnow/rf_01.07.2006_2301_rybatskaja-sez.html (дата обращения: 18.11.2020).

16. Советский Сахалин. 1989—2001.
17. Указ Президента Российской Федерации от 08.12.1992 г. № 1549 «О социально-экономическом развитии Курильских островов». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/2579> (дата обращения: 12.09.2024).
18. Чернолуцкая Е.Н. Курилы в 1990-е гг.: рыночные реформы и «пограничный вопрос» // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. Т. 27. С. 162—178.
19. Чернолуцкая Е.Н. Особая экономическая зона «Курилы»: замыслы и решения (1990-е гг.) // Итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке России (Десятые Крушановские чтения, 2021 г.). Владивосток: Дальнаука, 2021. С. 218—225.

REFERENCES

1. Akulenko V.S. Istoriya dvustoronnego sotrudnichestva v oblasti rybnogo khozyaystva mezhdru Rossiyskoy Federatsiey i Respublikoy Koreya [The History of Bilateral Fisheries Cooperation between the Russian Federation and the Republic of Korea]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 13, iss. 2, pp. 169—190. (In Russ.)
2. Glubokovskiy M.K., Lepskaya V.A., Vedishcheva E.V., Klovach N.V. Promysel tikhookeanskikh lososей v vodakh severnykh Kuril'skikh ostrovov: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy [Pacific Salmon Fishing in the Waters of the Northern Kuril Islands: History, Current State, Prospects]. *Trudy VNIRO*, 2015, vol. 158, pp. 75—87. (In Russ.)
3. *Gubernskie vedomosti*, 1992—1999. (In Russ.)
4. Zheribrov D.S., Knyazeva E.G. Osobyе ekonomicheskie zony v SSSR i Rossiyskoy Federatsii (1980—2018) [Special Economic Zones in the USSR and the Russian Federation (1980—2018)]. *Nauchnyy dialog*, 2019, no. 3, pp. 246—257. (In Russ.)
5. Zil'yanov V.K. Rybolovnye otnosheniya Sovetskogo Soyuzа, Rossii i Yaponii v kontekste sovetsko-yaponskoy Deklaratsii 1956 godа i natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii [Fishing Relations between the Soviet Union, Russia and Japan in the Context of the 1956 Soviet-Japanese Declaration and the National Security of the Russian Federation]. *Vedomosti Sakhalinskoy oblastnoy Dumy*. No. 33. Materialy parlamentskikh slushaniy 12—13 sent. 2001 g. [Bulletin of the Sakhalin Regional Duma. No. 33. Records of Parliament Proceedings. September 12—13, 2001]. Yuzhno-Sakhalinsk, 2001, pp. 58—65. (In Russ.)
6. Karpman I.I. Srednie Kurily — ostrova nadezhdy [The Middle Kuril Islands — The Islands of Hope]. *Sakhalin, Kurily: na rubezhe vekov: sb. st.* [Sakhalin, the Kurils: On the Cusp of Centuries: collection of articles]. Yuzhno-Sakhalinsk, 2002, pp. 142—147. (In Russ.)
7. Kozhevnikov V.V. *Rossiysko-Yaponskie otnosheniya na sovremennom etape. Problemy i poiski resheniy* [Russian-Japanese Relations at the Present Stage. Problems and the Search for Solutions]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 1997, 216 p. (In Russ.)
8. Kurmazov A.A. Rossiysko-yaponskoe rybokhozyaystvennoe sotrudnichestvo v rayone Yuzhnykh Kuril'skikh ostrovov [Russian-Japanese Fisheries Cooperation in the Area of the Southern Kuril Islands]. *Izvestiya TINRO*, 2006, vol. 146, pp. 343—359. (In Russ.)

9. *Moskovskaya deklaratsiya «Ob ustanovlenii sozidatel'nogo partnerstva mezhdu Rossiyskoy Federatsiei i Yaponiei» (noyabr' 1998 g.)* [The Moscow Declaration "On the Establishment of the Creative Partnership between the Russian Federation and Japan" (November 1998)]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901724336?ysclid=lurp945s4a516731514> (accessed 09.04.2024). (In Russ.)
10. Nedorez Yu.I. *Yapono-kuril'skie rossiyskie bezvizovye obmeny* [Japanese-Kuril Russian Visa-Free Exchanges]. 2011, July 27. Available at: <https://www.siaa.ru/?pg=2&id=147296&type=128&page=0&hd=2> (accessed 25.04.2024). (In Russ.)
11. Ovchinnikov N.S. Rybnyy kray [Fishing Region]. *Sakhalin, Kurily: na ru-bezhe vekov: sb. st.* [Sakhalin, the Kurils: On the Cusp of Centuries: collection of articles]. Yuzhno-Sakhalinsk, 2002, pp. 224—230. (In Russ.)
12. Podolyan S.A. Rybopromyshlennyy kompleks Kuril'skikh ostrovov: segodnya i zavtra [The Fishing Complex of the Kuril Islands: Today and Tomorrow]. *Vedomosti Sakhalinskoy oblastnoy Dumy*. No. 33. Materialy parlamentskikh slushaniy 12—13 sent. 2001 g. [Bulletin of the Sakhalin Regional Duma. No. 33. Records of Parliament Proceedings. September 12—13, 2001]. Yuzhno-Sakhalinsk, 2001, pp. 114—116. (In Russ.)
13. Ponomarev S., Brazhnik A. *K inventarizatsii rossiysko-yaponskikh ot-nosheniy* [Towards the Inventory of Russian-Japanese Relations]. 2022, April 14. Available at: <https://regnum.ru/article/3564503?ysclid=lrobqwo bxu616987556> (accessed 22.01.2024). (In Russ.)
14. *Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 02.12.1988 g. № 1405 «O dal'neyshem razvitii vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti gosudarstvennykh, kooperativnykh i inyykh obshchestvennykh predpriyatiy, ob"edineniy i organizatsiy»* [Resolution of the Council of Ministers of the USSR of 02.12.1988 No. 1405 "On the Further Development of Foreign Economic Activity of State, Co-operative and Other Public Enterprises, Associations and Organizations"]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/765703449?ysclid=ly2h5rtl al29342585> (accessed 01.07.2024). (In Russ.)
15. Rybatskaya SEZ [Fishing SEZ]. *Dal'nevostochnyy capital*, 2006, no. 7. Available at: https://www.dvkapital.ru/regionnow/rf_01.07.2006_2301_rybatskaja-sez.html (accessed 18.11.2020). (In Russ.)
16. *Sovetskiy Sakhalin*, 1989—2001. (In Russ.)
17. *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 08.12.1992 g. № 1549 «O sotsial'no-ekonomicheskom razvitii Kuril'skikh ostrovov»* [Decree of the President of the Russian Federation of 08.12.1992 No. 1549 "On the Socio-Economic Development of the Kuril Islands"]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/2579> (accessed 12.09.2024). (In Russ.)
18. Chernolutsкая E.N. Kurily v 1990-e gg.: rynochnye reformy i «pogranichnyy vopros» [The Kuril Islands in the 1990s: Market Reforms and the "Border Issue"]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*, 2020, vol. 27, pp. 162—178. (In Russ.)
19. Chernolutsкая E.N. Osobaya ekonomicheskaya zona «Kurily»: zamysly i resheniya (1990-e gg.) [Special Economic Zone "The Kuril Islands": Ideas and Solutions (the 1990s)]. *Itogi i perspektivy razvitiya istoricheskoy nauki na Dal'nem Vostoke Rossii (Desyatye Krushanovskie chteniya, 2021 g.)* [Results and Prospects of the Development of Historical Science in the Russian Far East (The 10th Krushanov Readings, 2021)]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2021, pp. 218—225. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 11.11.2024